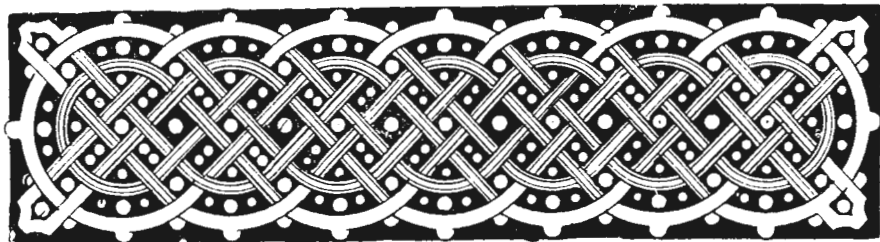

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ
ДЕКАБРЬ, 1907 Г.

КУРБАНЪ-ДЖАНЪ-ДАТХА,

кара-киргизская царица Алая.

I.

Путешествіе въ Туркестанъ.—Остановка въ Ходжентъ.—Уличный рассказчикъ.— Еврейскій Кокандъ.—Возвращеніе мусульманскихъ паломниковъ.—Святѣя мѣста Ферганы.—Мѣстныя сказанія о Соломонѣ, Енохѣ и Іовѣ.—Страпная природа въ мартѣ мѣсяцѣ.—Городъ Ошъ.—Скобелевская площадка.

ВЪ ТОТЪ самый день, 1 февраля 1907 г., когда я, выѣхавъ изъ Оренбурга, вступилъ въ Азію, умерла такъ называемая «царица Алая», Курбанъ-Джанъ-датха. Тогда я не имѣлъ о ней никакого понятія и сообщеніе въ Ташкентѣ о ея смерти я пропустилъ мимо ушей.

Алай входилъ въ программу моей поѣздки по Туркестану, но поинтересоваться судьбою старой киргизки тогда мнѣ и въ голову не приходило. Если есть въ Туркестанѣ царственная особа, которая можетъ еще возбудить интересъ всякаго путешественника, то это, конечно, бухарскій эмиръ. И повернулъ прежде всего въ Бухару и уже оттуда, въ концѣ февраля, сталъ подвигаться по линіи желѣзной дороги на востокъ, къ подножью величественнаго Памира.

Посѣтивъ попутные города Катта-Курганъ, Самаркандъ, Джизакъ, въ Черняевѣ я нанялъ лошадей и поднялся до Ура-Тюбе, этого яблока раздора между враждовавшими двумя ханствами, Бухарскимъ и Кокандскимъ.

Поинтересовался и Ходжентомъ, куда я пріѣхалъ въ ночь на пятницу, 22 февраля. Правовѣрные еще не спали. Тѣсными группами вокругъ сандаловъ—ящичковъ съ горящими углями—они сидѣли на кошмахъ, пряча свои ноги и руки подъ общимъ ватынымъ одѣяломъ, и пили свой зеленый кокъ-чай или потягивали черезъ воду табачный дымъ чилима. Вся эта картина, залитая фантастическимъ свѣтомъ многочисленныхъ фонарей, особенно врѣзалась въ моей памяти. Нигдѣ я, кажется, не наблюдалъ столько своеобразныхъ восточныхъ обычаевъ, какъ здѣсь, въ Ходжентѣ. Между прочимъ, мнѣ случилось слышать уличнаго рассказчика-маддаха. Съ одной стороны базарной площади примыкалъ рядъ чай-хане, гдѣ на широкихъ кроватяхъ, покрытыхъ кошмами, важно возсѣдали сарты съ большими бѣлыми чалмами на головахъ и попивали изъ широкихъ чашекъ безъ ручекъ горячій чай. Часть площади была застлана паласами. На нихъ одиноко стоялъ уличный ораторъ и, энергично жестикулируя руками, горячо рассказывалъ или проповѣдывалъ что-то огромной аудиторіи. Въ сторонѣ сидѣлъ его агентъ, молодой сартъ, и апатично на каждую фразу проповѣдника выкрикивалъ: «да!.. такъ!.. вѣрно!.. дальше!.. хорошо!..» Такія поощрительныя восклицанія, какъ я потомъ узналъ, считаются въ Туркестанѣ необходимыми для публичныхъ ораторовъ.

Черезъ три дня здѣсь праздновался сеиль, «праздникъ весны», сопровождаемый музыкою, скачками, представленіями въ пріѣзжающихъ на этотъ случай изъ Россіи циркахъ и балаганахъ. Но главная забава туркестанскихъ туземцевъ—скачки съ козломъ, или «улакъ». Удальцы - джигиты верхами на отличныхъ скакунахъ бросались къ зарѣзанному черному козлу, и каждый изъ нихъ старался захватить его, вырывая отъ другихъ. Нужны особенная ловкость, сила и отчаянная отвага, чтобы доставить козла на указанное мѣсто. Побѣдитель награждался халатомъ, а мясо козла раздавалось почетнымъ гостямъ. Въ ханскія времена давали наѣзdnикамъ живого козла, но русская администрація запретила это.

Ходжентъ особенно хранитъ древніе обычаи. Въ слѣдующемъ городѣ, въ Кокандѣ, бывшей столицѣ ханства, русская половина и европейскій характеръ ея жизни давитъ восточную. Здѣсь за коммерческой суетой не видно той патріархальной жизни, которую мы воображаемъ въ странѣ халатниковъ. Даже въ роскошномъ дворцѣ (урда) хановъ, среди поэтическихъ садовъ, устроены квартиры офицеровъ, прозаическіе склады, церковь. Все дворцовое мѣсто, окруженное стѣнами и бойницами, занято русскими солдатами. Кокандъ, какъ это часто слышишь въ Туркестанѣ, сталъ теперь еврейскимъ городомъ. Торговля хлопкомъ и шелкомъ притянула сюда множество предприимчивыхъ евреевъ. Проснулись и древніе, собственно кокандскіе, евреи. Раньше они здѣсь были въ жалкомъ положеніи. Ограниченіе гражданскихъ правъ простира-

лось и до внѣшняго ихъ вида: они не имѣли права носить чалмы, пестрые халаты, пѣтнѣе кушаки, ѣздить верхомъ на лошади и др. При русскомъ правленіи евреи получили здѣсь полную свободу, а съ приходомъ изъ Бухары своихъ единоплеменниковъ они быстро разбогатѣли и всю главную торговлю забрали въ свои руки.

Изъ слѣдующихъ городовъ — Чустъ, Наманганъ, два Маргелана — наиболѣе характеръ азіатскаго города сохранилъ Старый Маргеланъ со своимъ огромнымъ базаромъ.

Случилось такъ, что въ одномъ поѣздѣ со мною находились мусульманскіе паломники, возвращавшіеся изъ Мекки. На каждой станціи встрѣчали ихъ толпы правовѣрныхъ. Лишь только остановится поѣздъ, какъ вся эта масса народу бросается къ вагонамъ и съ крикомъ привѣтствуетъ своихъ земляковъ-паломниковъ. Имъ не даютъ сойти на землю, подхватываютъ прямо изъ вагона на руки и несутъ до лошади или до арбы. По дорогѣ каждый правовѣрный домогается прикоснуться хоть къ краю одежды хаджи-паломника. Которые поближе, тѣ цѣлуютъ руки, халатъ, выражая имъ свое благоговѣніе, какъ святымъ.

Въ придворной жизни у хановъ, извѣстно, какъ развиты были лесть и лицемеріе; но здѣсь, казалось мнѣ, это было искреннее почтеніе къ счастливому мусульманину, побывавшему въ Меккѣ и дышавшему тамъ воздухомъ святынь.

Фергана тоже не можетъ пожаловаться на скудость святынь мѣсть. Вамъ могутъ здѣсь разсказать про Еноха, Ноя, Іова, Давида, Соломона и другихъ библейскихъ лицъ и указать въ разныхъ мѣстахъ Ферганы, кто гдѣ молился, кто гдѣ погребенъ, какъ будто здѣсь-то и есть арена главныхъ священныхъ событій. Напримѣръ, покажутъ здѣсь гору Соломона — Сулейманъ-тагъ. Это небольшая гора, обрывающаяся у самаго города Оша. По туземному сказанію, царь Соломонъ, котораго считаютъ пророкомъ, равновеликимъ Адаму, Ною и Аврааму, велъ свое войско, а впереди его гналъ пару воловъ съ плугомъ. Когда онъ дошелъ до этой горы, то сказалъ: хошъ! то-есть «довольно». Отсюда будто бы и произошло названіе города. Къ Соломоновой горѣ стекаются правовѣрные не только съ кишлаковъ Ферганы, но и со всего Туркестана, для поклоненія святыни и излеченія отъ недуговъ. Одни вкладываютъ свои головы во впадины на вершинѣ холма, другіе скатываются съ него на спинѣ, третьи омывають свои глаза каплями воды изъ пещеры, чтобы только получить исцѣленіе отъ болѣзней.

Около Учъ-Кургана находится могила Даудъ-Мазара (Давидова могила), очень почитаемая окрестными киргизами.

Въ Каламъ-сарыкѣ покажутъ мѣсто, куда ходилъ молиться Енохъ, а въ Идрисъ-пей-гембаръ — его могилу, хотя еврейскія преданія говорятъ о взятіи его на небо.

Курбанъ-Джанъ-датха, кара-киргизская царица Алая
(† 1 февраля 1907 года).

На горѣ Аюбъ-тау, гдѣ теперь устроена санитарная станція, благодаря цѣлебнымъ минеральнымъ источникамъ, жилъ много-страдальный Іовъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что когда прошло время испытанія Іова, Господь велѣлъ ему ударить о камень правою ногою,—и забилъ ключъ горячей воды. Потомъ онъ ударилъ лѣвою ногою,—вышла холодная вода. Въ горячей Іовъ выкупался, а холодной напился и совершенно выздоровѣлъ отъ ужасной проказы.

Приведенныя здѣсь и многія другія сказанія показываютъ, какъ правовѣрные изъ благоговѣнія къ священнымъ преданіямъ желаютъ перенести библейскую исторію на свою почву.

Въ Новомъ Маргеланѣ повидался съ военнымъ губернаторомъ Ферганской области. Отъ него снова слышу извѣстіе о смерти киргизской датхи—алайской царицы.

— Да чѣмъ же она такъ замѣчательна?

— Когда пріѣдете въ городъ Ошъ, повидайтесь съ уѣзднымъ начальникомъ. Онъ созоветъ сыновей покойной датхи, и вы, такъ сказать, изъ перваго источника узнаете о ней.

Вечеромъ 15 марта изъ города Андижана, еще не приведшаго себя въ порядокъ послѣ страшнаго землетрясенія въ 1902 году, я выѣхалъ на лошадяхъ въ городъ Ошъ (46 верстъ). Странное впечатлѣніе производитъ природа въ это время года. Средина марта подъ сорокаградусной параллелью—вѣдь это весна! Солнце подымается до такой высоты, какая въ С.-Петербургѣ бываетъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ; широта одна и та же съ Тифлисомъ и съ Константинополемъ. И что же мы видимъ здѣсь? Снѣгу, правда, давно нѣтъ; но и зелени не видно. На землѣ желтый выжженный покровъ. Деревья голыя, даже почки не распустились. Въ воздухѣ не видно ни мухъ, ни пчелъ, ни какой-либо мошки. Мертвая страна! А солнце жарить въ полдень во всю силу. Если бы не было этой желтой прошлогодней травы, не было этихъ стройныхъ тополей, то такая мертвечина въ голой пустынѣ была бы помятна. Но вѣдь кругомъ по аллеямъ стоятъ свидѣтели роскошной растительности, о которой въ Ферганѣ говорятъ съ такимъ восторгомъ. Эта безжизненность подъ горячимъ солнцемъ жутко дѣйствуетъ на нервы сѣвернаго человѣка, привыкшаго видѣть цвѣты и зелень сейчасъ же изъ-подъ снѣга.

Дорога въ Ошъ разнообразится холмами. Изрѣдка встрѣчаются кишлаки. Спереди и съ боковъ поднимаются покрытые снѣгомъ отроги небесныхъ горъ Тянь-Шаня. Вотъ цѣлый горный кражъ легъ поперекъ дороги. Не объѣзжать ли его придется? Нѣтъ! Ямщикъ-киргизъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ между холмами, и я сразу очутился по ту сторону кража.

Наступили сумерки. Взошла полная красивая луна. Повѣяло прохладой. Въ кишлакахъ потухли огни. Горы какъ-то ближе

Курбань-Джань-датха показываеъ вывѣщенное приданое своей внучки.

придвинулись къ дорогѣ. Упоенный тишиною и свѣжимъ воздухомъ, я сталъ дремать въ тарантасѣ. Въ Ошѣ прибылъ среди ночи и остановился въ единственной гостиницѣ на главной улицѣ города. Номера сравнительно чистые.

Рано утромъ я уже гулялъ по городу. За соборомъ разстелается большая площадь. Кругомъ казенныя зданія. Далѣе—военныя. Вдоль горной рѣки Акъ-Буры тянется большой садъ, но такой же нѣмой и безжизненный въ это время года, какъ и андижанскіе сады.

На быстрой Акъ-Бурѣ стоитъ деревянный мостъ съ искусственными насыпями на берегахъ. Плотины и дамбы показываютъ, какая борьба здѣсь идетъ съ рѣкою въ большіе разливы. Рѣдкій годъ, чтобы «силевая» (отъ таянія снѣговъ на горахъ) вода не снесла Акбуринскаго моста. Теперь надумали строить мостъ кессонный.

Меня направили на ту сторону каменистой рѣки, въ обширный паркъ уѣзднаго начальника. Его помѣстительный домъ расположенъ на горѣ среди красивой рощи деревьевъ. Мѣсто это, очень живописное и здоровое, принадлежало когда-то кокандскимъ ханамъ. Отсюда открывается прелестный видъ на всю долину верховьевъ рѣки Сыръ-Дарьи. Прямо на сѣверъ, на границѣ съ Семирѣченскою областью, отроги Тянь-Шаня. Они заворачиваютъ на востокъ къ китайскому Кашгару. На югѣ величественный снѣжный Алайскій хребетъ. На западѣ темнѣетъ Араванская гора. За рѣкой растянулся городъ.

На лужайкѣ около дома уѣзднаго начальника показалась зеленая травка. Кое-гдѣ мелькаютъ въ ней желтые, голубые и розовые цвѣточки.

Мы прошли по парку до «Скобелевской площадки»—расчищеннаго мѣста надъ обрывомъ холма, гдѣ стояла палатка Михаила Дмитриевича, перваго губернатора Ферганской области. Отсюда еще лучше видъ на долину горной рѣки Акъ-Буры. Бирюзовое небо почти со всѣхъ сторонъ подпирается ярко-снѣжными вершинами высокихъ хребтовъ. Воображаю себѣ, какъ красиво расцвѣтеть здѣшняя панорама, когда покажется зелень въ долинѣ и по склонамъ горъ!

II.

У капитана Аврова.—Махмудъ-бекъ.—Курбанъ-Джанъ.—Кара-киргизы.—Мусульманская женщина.—Алимъ-бекъ.—Походъ въ Кашгаръ.—Смерть Алимъ-бека.—Курбанъ-Джанъ получаетъ титулъ датхи.—Движеніе русскихъ въ Туркестанъ.

— Ну, а что вы мнѣ скажете про Курбанъ-Джанъ-датху?

— О ней вамъ лучше расскажетъ капитанъ Авровъ да сыновья самой датхи.

Пошли къ капитану, извѣдывшему Ошскій уѣздъ вдоль и поперекъ много разъ. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ заби-

Махмудъ-бекъ у входа въ юрту своей матери, Курбанъ-Джанъ-датхи.

рался съ киргизами на самыя опасныя мѣста снѣжныхъ горъ, до сихъ поръ еще богатыхъ дикими козами и баранами. Всѣ комнаты капитана украшены рогами, клыками и чучелами представителей мѣстной фауны. Всѣ эти кинки, архары, илики и кабаны свидѣтельствуютъ о его знакомствѣ съ горными высями Алая.

Вечеромъ къ нему были приглашены мѣстныя власти. Среди гостей мое вниманіе было сосредоточено на киргизѣ Махмудъ-бекѣ, сынѣ покойной Курбанъ-Джанъ-датхи. Онъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго кишлака Мады (13 верстъ отъ Оша) вмѣстѣ съ переводчикомъ Джамшитъ-бекомъ, учителемъ русско-туземной школы.

Махмудъ-бекъ, плотный, здоровый мужчина, кажется еще толще отъ ватныхъ халатовъ. На головѣ цвѣтная вышитая тюбетейка. Вѣроятно, онъ не ожидалъ, что придется ему провести вечеръ у капитана въ качествѣ почетнаго гостя, и одѣлъ верхній халатъ простой ситцевый. Самъ онъ знаетъ немного словъ по-русски, а потому, при общемъ оживленномъ разговорѣ, онъ сидѣлъ неподвижно, безучастно, какъ мумія. На вопросы чрезъ переводчика (Джамшитъ — сынъ недавно умершаго Кара-бека, родственника Махмуда) онъ быстро давалъ отвѣты громкимъ безстрастнымъ голосомъ. Ему 59 лѣтъ, но на видъ онъ гораздо моложе. Судьба самого Махмудъ-бека тоже интересна. Вотъ онъ сейчасъ живетъ какъ простой кочевникъ-киргизъ, но при прежнихъ порядкахъ, когда Алай былъ въ слабой зависимости отъ Кокандскаго ханства, Махмудъ-бекъ самъ игралъ бы видную роль датхи, т. е. правителя всѣхъ кара-киргизовъ.

Прежде, чѣмъ рассказывать что-либо о жизни Махмудъ-бека, передамъ сперва, что я узналъ отъ него и отъ капитана Аврова о жизни его матери.

Курбанъ-Джанъ (жертвоприношеніе-душа) родилась въ 1811 г. среди гульчинскихъ кара-киргизовъ къ востоку отъ Оша. Ея отецъ, по имени Маматбай, былъ зауряднымъ киргизомъ изъ рода Мунгышъ и не выдѣлялся отъ своихъ сородичей ни положеніемъ, ни особеннымъ богатствомъ. На восемнадцатомъ году Курбанъ-Джанъ биби Маматбаева, какъ звалась дѣвицею, была выдана замужъ за Кулы-Садъ-Ярова, киргиза изъ рода Ювашъ.

Надо сказать нѣсколько словъ о кара-киргизахъ. Кромѣ того, что киргизы дѣлятся на три орды—большую, среднюю и малую,—они еще раздѣляются на киргизъ-кайсаковъ, или просто «казаконъ» и кара-киргизовъ. «Казаконъ» гордятся, что среди нихъ есть родовитая аристократія. Ихъ ханы и беки составляютъ людей «бѣлой кости», въ отличіе отъ простыхъ смертныхъ «черной кости». Кара-киргизы же не имѣли привилегированнаго сословія. За ихъ демократизмъ, за то, что они не признавали раздѣленія на бѣлую и черную кость, «казаконъ» прозвали ихъ обиднымъ словомъ кара, т. е. «черные», «чернь», и говорили, что они происходятъ отъ калмыковъ.

Къ исторіи перваго замужества Курбанъ-Джанъ примѣшиваютъ нѣкоторыя подробности, которыя плохо вяжутся съ нашимъ представлениемъ вообще о мусульманской женщинѣ. Курбанъ-Джанъ

Курбанъ-Джанъ-датха съ сыномъ Хасанъ-бекомъ. Слуга держитъ родовую шашку, пожалованную ханомъ.

была просватана еще ребенкомъ, какъ это въ обычаѣ въ Азіи у разныхъ народовъ, но познакомилась она со своимъ женихомъ лишь въ день свадьбы и осталась очень недовольна выборомъ своихъ родителей. Курбанъ-Джанъ считалась три года номиналь-

ной женой Ярова, оставаясь все это время въ кибиткѣ отца. Мы привыкли въ мусульманской женщинѣ видѣть безгласную рабу мужа, въ лицѣ же молодой дѣвушки Курбанъ-Джанъ представляется самостоятельная личность; она не только не подчиняется своему мужу, но и домогается съ нимъ развода. Все это понятно станетъ, если познакомимся поближе съ бытомъ киргизской женщины. Обычно въ Туркестанѣ мусульманская женщина не пользуется правами. На нее смотрятъ, какъ на принадлежность, собственность мужа, прибрѣтенную за деньги. Ее онъ прячетъ отъ посторонняго глаза. Если она выходитъ на улицу, то лицо закрываетъ черною волосаюною сѣткою (чимбатъ) и покрываетъ себя съ головы до пятъ накидкою въ видѣ халата (фаренджи). Длинные рукава сзади халата спущены до подола и прикрѣплены одинъ къ другому. Получается что-то ужасно безобразное, связанное, закутанное. Киргизка же, напротивъ, очень самостоятельна и дома и на улицѣ. Она никогда не закрываетъ лица своего, даже въ присутствіи постороннихъ мужчинъ. Костюмъ ея очень похожъ на мужской: тотъ же пестрый халатъ на плечахъ, тотъ же бѣлый тюрбанъ на головѣ, только онъ повязанъ нѣсколько иначе, со спускомъ подъ подбородкомъ. Киргизка—прекрасная наѣздница, отличная работница и разбитная женщина въ кругу гостей. Случалось, что киргизки выступали и на общественную дѣятельность

Во время разложенія Кокандскаго ханства, отъ котораго зависѣли кара-киргизы, выдѣляется среди нихъ Алимъ-бекъ, назначенный ханомъ даткою, или правителемъ Алая. Алимъ понравилась умная, энергичная Курбанъ-Джанъ. Устроивъ разводъ ея съ первымъ мужемъ, въ 1832 г. онъ женился на ней. Курбанъ-Джанъ жила съ нимъ 29 лѣтъ, до его насильственной смерти, и во все это время была ему энергичной помощницей. Въ 1845 г. среди гульчинскихъ и алайскихъ кара-киргизовъ произошли беспорядки. Кокандскій мингбаши Мусульманъ-Куль отправился съ отрядомъ войскъ въ городъ Ошъ и захватилъ въ плѣнъ много киргизовъ. Только благодаря находчивости и распорядительности Курбанъ-Джанъ, Алимъ-беку удалось спастись отъ тогдашняго временщика Кокандскаго ханства.

Кара-киргизы, вольные кочевники дикихъ горъ Алая, хорошо помнятъ свое прежнее независимое положеніе и, понятно, при первой же возможности спѣшатъ стряхнуть съ себя вассальное подчиненіе кокандскому деспоту-хану. Когда въ 1847 г. Ходжа-Турѣ, объявившій себя претендентомъ на кашгарскій престолъ, собралъ въ Ферганѣ толпу искателей приключеній и легкой наживы и двинулся съ ними за Гульчу, къ нему присоединился и Алимъ-бекъ со своими киргизами. Кашгаръ былъ скоро снятъ у китайцевъ, но Ходжа-Турѣ въ немъ не удержался и бѣжалъ. Ушли и киргизы съ Алимъ-бекомъ въ свой родной Алай. За ними потя-

нулись кашгарцы, боясь мести со стороны китайцевъ. При переходѣ черезъ перевалъ Терекъ-Даванъ въ январѣ мѣсяцѣ эмигранты были застигнуты холодной снѣжной бурей. Много дѣтей и женщинъ замерзло, инныя погибли отъ голода. Имущество было брошено или разграблено. Уцѣлѣвшіе кашгарцы продавали своихъ дочерей въ городѣ Ошѣ за 2 рубля, чтобы купить пищи.

Въ исторіи ханства В. П. Наливкина упоминается, что Алимъ-бій (или Алимъ-бекъ) былъ андижанскимъ хакимомъ, т.-е. правителемъ андижанскаго вилайета. Въ это время съ сѣвера подвигались русскія войска, захватывая одинъ городъ за другимъ. Осенью 1860 г. Малля-ханъ отдалъ приказъ своимъ сартамъ выступить въ походъ противъ русскихъ. Съ ними отправился отрядъ кара-киргизовъ съ Алимъ-бекомъ во главѣ. Наступили зимніе холода. Сарты мерзли и гибли отъ голода. Тогда Алимъ-бекъ ушелъ со своими киргизами въ Андижанъ. На слѣдующій годъ Малля-ханъ сталъ опять собираться на русскихъ, и киргизы наотрѣзъ отказались отъ новаго похода. Ханъ послалъ арестовать Алимъ-бека, но удалось только конфисковать его имущество. Самъ же Алимъ-бекъ бѣжалъ въ горы за Гульчу.

Алимъ-бекъ, по сказанію его сына, былъ убитъ во время дворцоваго заговора въ Кокандѣ въ 1861 году. По другимъ сказаніямъ, онъ умеръ отъ отравы, поднесенной ему въ 1863 году¹⁾.

Пятидесятилѣтняя Курбанъ-Джанъ осталась вдовою. Опасаясь возмущенія кара-киргизовъ, кокандскія власти утаили отъ нея, что Алимъ-бекъ погибъ насильственною смертью. Объ этомъ горестномъ событіи она узнала лишь нѣкоторое время спустя.

Чтобы поддержать кокандскаго хана Худояра, бухарскій эмиръ Саидъ-Музаффаръ-Эддинъ прошелъ съ своимъ войскомъ до Оша. Тутъ ему представилась Курбанъ-Джанъ. Эмиръ, узнавъ о ея вліяніи на кара-киргизовъ, вопреки мусульманскому обычаю, далъ ей почетное званіе датхи, снабдивъ ее надлежащимъ ярлыкомъ и одаривъ подарками. Пасынокъ ея, Джаркинбай, старшій сынъ уби-

¹⁾ Разсматривая литературу объ алайскихъ киргизахъ и въ частности о Курбанъ-Джанъ-датхѣ, поражаешься разногласіемъ свидѣтельствъ писателей. Кромѣ того, что мною приведено выше съ провѣркою по самымъ послѣднимъ свѣдѣніямъ («Туркестанскія Вѣдомости», 16 февраля 1907 г., «Голосъ Правды», 27 февр. 1907 г. и «Ферганскія Обл. Вѣдомости», 9 іюня 1907 г.), рассказываютъ, напримѣръ, какъ первый мужъ Курбанъ-Джанъ былъ убитъ памиро-алайскими кочевниками во время сбора податей, и юная киргизка стала правительницею Алая, какъ она избрала другого мужа, но и второй мужъ былъ скоро убитъ въ стычкѣ съ китайцами, оставивъ трехъ сыновей. Не стоитъ повторять всего того, что навязали на «царицу Алая». Очевидно, исторія Алимъ-бека и его жены требуетъ болѣе тщательнаго разсмотрѣнія и провѣрки фактовъ на мѣстѣ.

Интересующіеся литературою о Курбанъ-Джанъ-датхѣ см. К. К. Казанскаго «Вблизи Памировъ», Б. Л. Тагѣева «Памирскій походъ», Ю. Д. Головинной «На Памирахъ» и А. С. «По Туркестану».

таго Алимъ-бека, непосредственный наслѣдникъ титула датхи, въ угоду своей мачехѣ, отказался отъ него. Его назначили въ 1864 г. опшскимъ хакимомъ.

Между тѣмъ, русскія войска упорно все подвигались впередъ и впередъ. Разные представители ислама, населяющіе обширное ханство по всему теченію Сыръ-Дарьи, были двинуты навстрѣчу генералу Черняеву, но противостоятъ русскому оружію, несмотря на свою безумную храбрость, они не могли. Въ одной изъ стычекъ съ русскими убитъ былъ и Джаркинбай.

Кокандскому Худояръ-хану снова удалось овладѣть престоломъ въ это сумбурное для Туркестана время. Курбанъ-Джанъ поспѣшила явиться къ нему въ Кокандъ. Ханъ подтвердилъ ея права на званіе датхи, а старшаго сына ея, Абдулла-бека, назначилъ опшскимъ хакимомъ вмѣсто убитаго Джаркинбая.

III.

Завоеваніе Кокандскаго ханства.—Возстаніе кара-киргизовъ.—Укрѣпленіе Янгй-Арыка.—Бѣгство Абдулла-бека.—Майоръ Іоновъ отыскиваетъ Курбанъ-Джанъ.—Свиданіе Скобелева съ датхою.—Окончаніе войны.—Датха и баронъ Вревскій.—

Занятіе контрабандою.—Арестъ сыновей датхи.—Казнь Камчи-бека.

Кара-киргизы и всѣ ихъ сосѣди славили умную, энергичную Датху и охотно пріѣзжали къ ея юртѣ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Нуженъ былъ большой тактъ и умѣнье править въ это смутное время свободолюбивыми кочевниками, когда Кокандское ханство разваливалось. Русскіе взяли Ташкентъ, Ходжентъ и Ура-Тюбе. Въ самомъ Кокандѣ постоянная смѣна хановъ. Муллы, ишаны и дуваны яро проповѣдуютъ священную войну (газавать) съ невѣрными кяфирами. Поднялся бухарскій эмиръ, но и онъ оказался безсильнымъ противъ русскихъ пушекъ, потерявъ Джизакъ, Самаркандъ и Катта-Курганъ.

Наконецъ, въ 1875 г. пало Кокандское ханство, и вся область Сыръ-Дарьи перешла во власть русскихъ. Послѣднихъ претендентовъ на кокандскій престолъ, Насръ-Эддина и Пулатъ-бека, повѣсили; одного въ Кокандѣ, другого — въ Маргеланѣ. Захватили въ плѣнъ и храбраго предводителя кипчаковъ Автобачи; другой же командующій кочевниками, старшій сынъ Курбанъ-Джанъ-датхи, Абдулла-бекъ, дѣйствовавшій въ интересахъ Пулатъ-бека, отступилъ къ Алаю. Кара-киргизы крѣпко надѣялись на свои скалистыя горы, съ снѣжными бурями на высокихъ перевалахъ. Пойдутъ ли туда русскіе, гдѣ едва пробирается и природный житель Алая и Памира? На всякій случай алайскіе и гульчинскіе киргизы откочевали со своими юртами-кибитками въ горы, а сама Курбанъ-Джанъ уѣхала въ Кокъ-су, на границу съ Кашгаромъ.

Ея сыновья-батыри рѣшились отстаивать свой родной Алай отъ вторженія русскихъ. Они собрали кочевниковъ и заняли всѣ главные перевалы и горныя ущелья.

Весною 1876 г. появляется въ Опѣ М. Д. Скобелевъ, тогда еще только восходящая звѣзда русской арміи. Киргизы сосредоточились около урочища Янги-арыка и укрылись въ неприступной позиціи. Къ тому же, ихъ охраняла большая вода въ горной рѣкѣ. 25 апрѣля они оказали отряду Скобелева серьезное сопротивленіе,

Магометъ-Али-Халифа, минь-тюбинскій Дукчи-ишанъ
(† въ маѣ 1898 года).

несмотря на то, что сѣверные богатыри знали, какъ брать «орлиныя гнѣзда».

Предводитель киргизовъ, старшій сынъ Датхи, отважный Абдулла-бекъ, считалъ себя недоступнымъ въ горномъ ущельѣ. Еще и теперь можно видѣть полуразрушенное укрѣпленіе, эти массивные каменные завалы, устроенные съ оборонительными цѣлями. Но и у кара-киргизовъ нашелся свой Эфіалтъ—Иманъ-Куль, который указалъ русскимъ обходный путь. Скобелевъ распорядился послать справа отъ киргизскаго укрѣпленія отрядъ майора Іонова.

Окруженные кочевники бросили укрѣпленіе и устремились къ Заалайскому хребту, растерявъ по дорогѣ свои стада. Абдулла-

бекъ направился къ перевалу Кизылъ-артъ и скрылся въ горахъ Памира. За нимъ погнался было князь Витгенштейнъ, но самъ чуть не погибъ около озера Кара-Куль.

Зная вліяніе датхи на кара-киргизовъ, Скобелевъ поручилъ майору Іонову разыскать Курбанъ-Джанъ и вступить съ нею въ переговоры. Послѣ разныхъ приключеній Іоновъ нашелъ ее въ юртѣ ея брата Исмадіарбая. Датха попросила его дать ей возможность лично переговорить съ самимъ генераломъ Скобелевымъ, но соглашалась ѣхать къ нему только при условіи, что ее не арестуютъ и не подвергнуть какимъ-либо униженіямъ. Іоновъ гарантировалъ ей полную безопасность, закрѣпивъ свое обѣщаніе честнымъ словомъ. Датха повѣрила и въ сопровожденіи большой свиты изъ киргизовъ отправилась къ ставкѣ «главнаго генерала русскаго царя».

Всѣ описанія встрѣчи Скобелева съ датхою единогласно свидѣтельствуютъ о его любезномъ приѣмѣ «алайской царицы», какъ прозвали Курбанъ-Джанъ русскіе офицеры. Она пришла къ генералу въ сопровожденіи сына Камчи-бека и внука Мирза-Паяса. Скобелевъ черезъ переводчика выразилъ свое удовольствіе ее видѣть, отмѣтилъ ея огромное вліяніе на киргизовъ Алая и просилъ ее убѣдить ихъ склониться на требованія Россіи. Похваливъ храбрость ея сыновей, онъ обѣщалъ имъ полную безопасность, если они вернутся въ Алай къ мирной дѣятельности.

Правительницѣ побѣжденныхъ киргизовъ ничего не оставалось, какъ согласиться на всѣ предложенія русскихъ.

Соблюдая восточные обычаи, Скобелевъ угостилъ датху до-старханомъ (подносъ съ горою разныхъ сластей) и собственно-ручно одѣлъ на нее парчевый халатъ.

Война кара-киргизовъ за свою независимость съ этого момента кончилась. Датха поняла бесполезность дальнѣйшаго кровопролитія и разслала возвращенныхъ ей плѣнныхъ киргизовъ по всему Алаю съ приказаніемъ, чтобы храбрые батыри, взявшіеся за оружіе, совершенно спокойно возвращались въ свои аулы. Она также упрашивала своихъ сыновей вернуться на родину къ мирной кочевой жизни. Три сына, Махмудъ, Хасанъ и Батырь, послушались своей матери и вернулись въ Ошскій уѣздъ, гдѣ ихъ пріѣхавшій къ тому времени начальникъ края, генералъ Кауфманъ, назначилъ волостными управителями. Наслѣдственный же правитель Алая, старшій сынъ Алимъ-бека, Абдулла-бекъ, не захотѣлъ подчиниться невѣрнымъ кляфирамъ и снизойти до роли волостного старшины, чтобы собирать кибиточный сборъ для русской казны. Онъ изъ Памира пробрался въ Афганистанъ, а оттуда въ томъ же году предпринялъ паломничество въ Мекку, но по дорогѣ умеръ. По киргизскому обычаю, тѣло умершаго Абдулла-бека перевезли на Алай и съ почетомъ похоронили въ Гульчѣ рядомъ съ его сородичами.

Первымъ опскимъ уѣзднымъ начальникомъ, или хахимомъ, былъ назначенъ майоръ Іоновъ. Съ нимъ часто видѣлась Курбанъ-Джанъ-датха, и у нихъ вскорѣ установились дружескія отношенія, которыя не прерывались до ея смерти.

У Махмудъ-бека до сихъ поръ хранится цѣлая пачка писемъ, адресованныхъ Курбанъ-Джанъ-датхѣ отъ разныхъ начальствующихъ лицъ въ Россіи. Больше же всего было писемъ отъ ея друга, военного губернатора Іонова, изъ которыхъ можно судить, что датха обмѣнивалась съ нимъ не одинъ разъ подарками и фотографіями.

Всѣ безъ исключенія представители русской власти въ Туркестанѣ старались оказать, каждый по-своему, свое вниманіе «ца рицѣ Алая», которую въ своихъ письмахъ или въ бесѣдахъ они попрежнему величали датхою. Такъ, въ 1892 г. она представлялась генералъ-губернатору барону Вревскому въ укрѣпленіи Гульчѣ. Восьмидесятилѣтняя старуха пріѣхала верхомъ на лошади для свиданія съ нимъ изъ своей лѣтовки, отстоящей верстъ за восемьдесятъ. Одѣтая въ парчевую шубейку съ мѣховой оторочкой, она неловко сидѣла на непривычномъ для нея стулѣ въ гостяхъ у генерала и постоянно утирала рукавомъ слезящіеся глаза. Баронъ по обычаю также подарилъ ей парчевый халатъ. Съ своей стороны датха каждый разъ предлагала генераламъ въ подарокъ желтоватую лошадь. Всѣ они очень благодарили ее за вниманіе, но вѣжливо отказывались отъ подарка.

Въ своихъ длинныхъ красивыхъ рѣчахъ Курбанъ-Джанъ выказывала большой умъ и дипломатическія способности. Несмотря на старость, глаза ея сохраняли еще живые огоньки, а въ чертахъ лица проглядывала выдѣляющая ее отъ другихъ киргизокъ особенная миловидность.

Въ слѣдующихъ, 1893—1895 годахъ престарѣлой датхѣ пришлось выдержать жестокое испытаніе.

Горные орлы-киргизы Алая съ давнихъ временъ жили хищничествомъ. Забравшись на «небесныя горы» (Алай—отроги Тянь-Шаня) подъ «крышу неба» (Памиръ), они зорко слѣдили за добычею въ окрестныхъ горахъ. Съ востока отъ нихъ китайскій Кашгаръ, съ запада бухарскій Дарвазъ и Каратегень, съ сѣвера разстилается плодородная Ферганская долина. Есть гдѣ поживиться барантою! Но съ приходомъ русскихъ волей-неволей пришлось имъ сдерживать себя. Отряды солдатъ и казаковъ строго оберегали караванные пути. Тогда удалство киргизскихъ батырей вылилось въ другую форму—въ занятіе контрабандой.

Пылкій Камчи-бекъ, одинъ изъ сыновей Датхи, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю перевозку контрабандныхъ товаровъ чрезъ границу Кашгара. Давно его подозрѣвала въ этомъ русская администрація, но изловить увертливаго киргиза не удавалось. Однажды

пропалъ таможенный объѣздчикъ съ двумя стражниками. Потомъ слѣдствіе выяснило, что они встрѣтились съ партіей киргизовъ-контрабандистовъ, которые не успѣли скрыться отъ нихъ. Чтобы избавиться отъ ареста и суда, киргизы убили объѣздчиковъ и сожгли ихъ трупы. Кромѣ удалого, горячаго Камчи-бека и молодого внука датхи, совѣтъ мальчика, Арсланъ-бека, какъ начальниковъ шайки контрабандистовъ, арестовали еще за укрывательство Махмудъ-бека, правителя гульчинскою волостью, и Мирза-Паяса, его племянника. Всего арестовано было по этому дѣлу 21 человекъ.

Престарѣлая мать бековъ, Курбанъ-Джанъ-датха, сама поѣхала въ Новый Маргеланъ хлопотать за нихъ предъ военнымъ губернаторомъ Повало-Швыйковскимъ. Ее допустили только въ областную тюрьму на свиданіе со своими сыновьями и внуками, но не вняли ей униженнымъ слезнымъ мольбамъ. Судъ состоялся надъ киргизами, и двое изъ нихъ—Камчи-бекъ и Палванъ, были приговорены къ смертной казни, а Махмудъ-бекъ, Мирза-Паясъ и Арсланъ-бекъ—въ ссылку въ Сибирь на каторжные работы.

Киргизы, еще такъ недавно подчинившіеся Россіи, не могли допустить, чтобы русскіе сурово расплатились съ ихъ любимыми батырями-беками за убійство объѣздчиковъ. Они рѣшили вернуть себѣ лихихъ джигитовъ силою. Но прежде, чѣмъ напасть на тюрьму и освободить дѣтей уважаемой Курбанъ-Джанъ-датхи, киргизы проникли къ заключеннымъ бекамъ—сговориться о времени и образѣ дѣйствія. Осторожный Махмудъ-бекъ едва могъ отговорить ихъ отъ этого рискованнаго предпріятія.

2 марта 1895 г. приговоренныхъ киргизовъ повѣсили на площади туземной части города Оша. Состояніе несчастной матери-старухи было ужасно. Она удалилась на лѣтовку въ небольшой аулъ Алая и тамъ оплакивала горькую судьбу своихъ дѣтей.

Сосланный Махмудъ-бекъ и его товарищи провели въ дорогѣ два года. Они заболѣли и потому задержались въ Иркутскѣ. Между тѣмъ вліятельные друзья датхи и главнымъ образомъ генералъ Іоновъ неустанно хлопотали за сосланныхъ дѣтей ея. И не безъ успѣха: въ 1897 г. Махмудъ-бекъ вмѣстѣ съ Мирзой-Паясомъ и Арсланъ-бекомъ были возвращены изъ Сибири на Алай, въ свои родные аулы.

Жестокую расправу съ кара-киргизами нѣкоторые представители администраціи оправдываютъ избыткомъ мнѣніемъ, что азіаты признаютъ только грубую силу; а потому, для поддержанія престижа власти на Алаѣ, необходимо было произвести сильное впечатлѣніе на киргизовъ строгой карой преступниковъ. Другіе же объясняли тѣмъ, что дѣти датхи, опираясь на покровительство высшихъ русскихъ властей, очень зазнались, дѣлали въ своихъ волостяхъ, что хотѣли, налагали непомерныя подати и безнаказанно грабили народъ. Нужно было посбить немного спеси съ бековъ и указать имъ

надлежащее мѣсто. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, и ни одинъ изъ нихъ не получилъ еще прежней должности волостного управителя.

Здѣсь кстати помянуть о судьбѣ другихъ сыновей датхи. Второй ея сынъ, Батырь-бекъ, послѣ безуспѣшнаго сопротивленія киргизовъ Скобелеву, бѣжалъ въ Кашгаръ, гдѣ и находился до 1877 года. Потомъ, по просьбѣ матери, вернулся въ Ошскій уѣздъ и получилъ должность волостного управителя. Онъ умеръ въ 1895 г.

Предводитель киргизовъ, Омаръ-бекъ-дахта мулла Алимовъ,
въ арестантскомъ костюмѣ.

Четвертый сынъ датхи, Хасанъ-бекъ, также скрывался до 1877 г. въ Афганистанѣ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Абдулла-бекомъ. Потомъ его тоже назначили волостнымъ управителемъ въ Ошскомъ уѣздѣ. Въ настоящее время Хасанъ-бекъ состоитъ мутевалиемъ медресе Алимъ-бекова, то-есть, управляющимъ доходами съ имущества (вакуфа), завѣщаннаго его отцомъ для духовнаго училища. Хасанъ женатъ на дочери Худай-кулы (Бель-бакчи-ханъ), который когда-то занималъ ханскій престолъ (14 дней), а теперь торгуетъ краснымъ товаромъ на ошскомъ базарѣ.

IV.

Волненія кара-киргизовъ.—Дукчи-ишанъ.—Его проповѣдь и чудеса.—Послѣдователи-мюриды.—Авантюристъ Абдуль-Джалиль.—Андижанская рѣзня.— Возмездіе.—Свиданіе Духовскаго съ датхой.—Смерть Курбанъ-Джанъ.—Похороны.—Прощаніе съ Махмудъ-бекомъ.—Отъѣздъ.

Кто-то замѣтилъ, что народы, живущіе въ горныхъ странахъ, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ, сами находятся въ постоянной тревогѣ. Указываютъ, напримѣръ, на Дагестанъ, гдѣ народъ и земля ежегодно проявляютъ себя болѣе или менѣе сильными волненіями. Ошскій уѣздъ тоже не отстываетъ отъ этого правила. Землетрясенія въ этомъ краѣ очень часты. Еще такъ недавно сосѣдній городъ Андижанъ (46 верстъ) покрылся развалинами разрушенныхъ зданій. Народы этого края тоже неспокойны. Надо принять во вниманіе, что Алай лежитъ между прежнимъ Кокандскимъ ханствомъ и китайскимъ Кашгаромъ. Та и другая страна были полны политическихъ смутъ и междоусобныхъ войнъ. Безпокойные авантюристы, недовольные бѣглецы-начальники изъ Коканда или Кашгара, преслѣдуемые преступники и вообще разные отбросы сосѣднихъ странъ постоянно укрывались въ горахъ Алая. Понятно, что при такихъ условіяхъ киргизы поневолѣ будутъ вовлечены въ борьбу окружающихъ народовъ. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Чтобы избавиться отъ китайскаго владычества въ Кашгарѣ, не одинъ разъ объявлялся тамъ мусульманами газаватъ, то-есть священная война съ невѣрными (напр., въ 1862 г.). Въ ней всегда принимали участіе и кара-киргизы. Съ владычествомъ русскихъ Ошскій уѣздъ какъ будто немного успокоился, но время отъ времени онъ все-таки давалъ себя знать разными безпорядками. Такъ, въ 1885 г. здѣсь образовалось нѣсколько шаекъ, которыя вошли въ связь съ афганскимъ эмиромъ и провозгласили своего предводителя, Дервишъ-ханъ-Тюря, кокандскимъ ханомъ. Въ 1891 г. безпорядки повторились, хотя въ меньшей степени. Въ урочищѣ Ходжа-Калянъ появился Имамъ-Магди, выходецъ изъ Каратегена, къ которому стали стекаться тысячи киргизовъ. Благодаря указаніямъ четвертаго сына Курбанъ-Джанъ-датхи, Хасанъ-бека, и распорядительности уѣзднаго начальника Іонова, виновникъ волненія былъ задержанъ и сосланъ въ каторжныя работы. Въ 1898 г. подготовлено было новое большое возстаніе и объявленъ газаватъ противъ русскихъ. Мнѣ придется остановиться на этомъ возстаніи нѣсколько дольше, ввиду ложнаго ходячаго мнѣнія, что военная администрація Туркестана, боясь потерять насиженные мѣста, съ предполагаемымъ переходомъ края въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, будто бы умышленно вызвала андижанскую рѣзню, чтобы пока-

Могила казненного Камчи-бена и мѣсто погребенія его матери, Курбанъ-Джанъ-дагхи.

зять необходимость еще здѣсь военной власти. На самомъ же дѣлѣ объявленіе газавата можно объяснить только религіознымъ фанатизмомъ населенія страны.

Мусульманскія духовныя лица, если они хотятъ остаться вѣрными ученію Корана, должны проповѣдывать непрестанную войну съ кяфирами. Если не побѣдить, то умереть въ борьбѣ съ невѣрными считается высокимъ религіознымъ подвигомъ, за который въ загробной жизни мусульманинъ награждается всякими райскими благами. Какъ легко, слѣдовательно, на этой почвѣ разнымъ имамамъ и мулламъ, ишанамъ и дуванамъ проповѣдывать священную войну!

Къ югу отъ Андижана, въ кишлакѣ Минь-Тюбе появился новый проповѣдникъ изъ таджиковъ. Звали его Магометъ-Али-Халифа, или просто—Дукчи-ишанъ. Сорокалѣтній проповѣдникъ, хотя неграмотный, зналъ Коранъ наизусть. Своими страстными рѣчами онъ умѣлъ собирать около себя толпы слушателей, жадно внимавшихъ ученію «святого». Ишанъ привлекалъ къ себѣ народъ еще обильными угощеніями и ложными чудесами. Въ его домѣ постоянно кипѣлъ гигантскихъ размѣровъ самоваръ для чая съ тремя кранами. Всегда былъ готовъ пловъ изъ баранины, приготовленный будто бы чудеснымъ образомъ безъ огня. Впослѣдствіи нашли въ стѣнахъ дома задѣланныя трубы для нагрѣванія котловъ. Простодушный народъ вѣрилъ чудотворцу и несъ ему обильные подарки. Ишанъ принималъ все, начиная отъ кусковъ холста и кончая верблюдами. Взамѣнъ подарковъ онъ раздавалъ своимъ посѣтителямъ собственноручно выточенные веретена, придавая имъ особое символическое значеніе. За это и прозвали его Дукчи, что значитъ «веретено».

Мюриды — послѣдователи ишана — всячески поддерживали его славу, рассказывали народу о его предсказаніяхъ и чудесахъ и вообще обманывали простодушныхъ мусульманъ. Объясняютъ теперь, что мюриды носили названія приносимыхъ подарковъ. Не успѣетъ еще приходящій въ сопровожденіи мюрида, носившаго названіе его подарка, войти къ ишану, какъ тотъ уже благодаритъ гостя за подарокъ, называя его какъ бы по дару прозорливости. Кромѣ того, по переговорнымъ трубкамъ, скрытымъ въ стѣнахъ дома, ему сообщали со стороны всѣ нужныя свѣдѣнія о приходящемъ лицѣ.

Благодаря щедрымъ приношеніямъ и многочисленнымъ помощникамъ, Дукчи-ишанъ велъ образцовое хозяйство и ежедневно кормилъ множество народу. Киргизки благоговѣли предъ нимъ. Онъ приводилъ къ нему своихъ дочерей-невѣстъ, чтобы онъ освятилъ ихъ передъ выходомъ замужъ. За такихъ невѣстъ родители брали большій калымъ.

Необходимо замѣтить, что нѣкоторые туркестанцы расположены видѣть въ минь-тюбинскомъ ишанѣ искренно увлекающагося,

глубоко вѣрующаго человѣка. Всѣ вышеупомянутыя продѣлки соверпались не столько имъ, сколько окружающей его кликой, во главѣ которой стоялъ извѣстный интриганъ при ханскомъ дворѣ въ Кокандѣ, мулла Зіяутдинъ Магзумъ, занимавшій тамъ должность писмоводителя, или мирзы. Ему главнымъ образомъ приписываютъ дальнѣйшее развитіе заговора.

Вдругъ пріѣзжаетъ изъ Турціи какой-то неизвѣстный авантюристъ Абдулъ-Джалиль. Онъ визируетъ свой паспортъ въ Маргеланѣ и Ошѣ и ѣдетъ къ Дукчи-ишану въ качествѣ посланника съ письмомъ отъ турецкаго султана. Абдулъ-Джалиль, передавъ ишану халатъ отъ владыки правовѣрныхъ, зеленое знамя и волосъ пророка Магомета, убѣждалъ его объявить газаватъ. Дукчи долго сомнѣвался въ подлинности грамоты отъ султана и скромно замѣчалъ: «какъ это я, ничтожный человѣкъ, могъ быть извѣстенъ султану?» Только со вторымъ пріѣздомъ Абдулъ-Джалила онъ, наконецъ, поддался обману и сталъ проповѣдывать войну съ невѣрными. Возстаніе было разсчитано на легкомысліе фанатичнаго народа. Въмѣсто оружія были розданы чудесныя веретена, которыя должны были превратить непріятельскія пули и ядра въ воду.

О готовящемся газаватѣ знали чуть ли не весь мусульманскій Туркестанъ. Въ Самаркандѣ, въ ночь съ 17 на 18 мая, правовѣрные собрались въ мечеть молиться за успѣхъ дѣла. Въ Ташкентѣ на базарѣ разные мусульманскіе мольдеки открыто разжигали ненависть къ невѣрнымъ. Да и вообще во всемъ краѣ замѣтна была перемѣна отношеній мусульманъ къ своимъ завоевателямъ. Предупреждали и представителей русской администраціи. Но наши властители, хорошо помня, какъ легко они разбивали небольшими отрядами громадныя толпы халатниковъ, были совершенно спокойны и не предпринимали никакихъ мѣръ къ предупрежденію возстанія.

Въ ночь на 18 мая 1898 года фанатизированная толпа правовѣрныхъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись своимъ возбужденіемъ мѣстные турки, подъ предводительствомъ сельскаго старшины Мулла-Касыма, двинулась изъ Минь-Тюбе въ гор. Андижанъ. Съ ними былъ и Дукчи-ишанъ. Одинъ изъ мюридовъ, одѣтый во все бѣлое, то-есть обрекшій себя на смерть, ѣхалъ верхомъ на лошади впереди, съ раскрытымъ кораномъ и съ зеленымъ знаменемъ въ рукахъ, окропленнымъ кровью перваго убитаго русскаго.

Между тѣмъ въ Андижанѣ, ничего не подозрѣвая, среди ночи разбудили молодыхъ солдатъ и отправили ихъ на стрѣльбище съ холостыми патронами. Въ двухъ баракахъ остались старые солдаты и крѣпко спали. Только въ сосѣднемъ офицерскомъ баракѣ бодрствовалъ дежурный офицеръ и читалъ книгу. Вдругъ онъ слышитъ на разсвѣтѣ страшный шумъ, крики, топотъ лошадей. Это

фанатизированная толпа мусульманъ стремительно ринулась на одинъ изъ солдатскихъ бараконъ и стала колотъ и рубить спящихъ кяфировъ. Нѣкоторые горячіе джигиты ворвались на лошадахъ въ самый баракъ, другіе кололи снаружи чрезъ плетенку. Шумъ и крики разбудили солдатъ сосѣдняго барака. Они схватили ружья и быстро выскочили на площадь, но... патроновъ съ ними не было. Въ это время выбѣжалъ изъ барака испавшій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ. Въ полутьмѣ по бѣлому костюму мусульмане приняли его за мюрида и дали ему возможность пробраться къ солдатамъ, которые сбились въ одну небольшую кучку и ошестинились штыками. Съ другой стороны выскакиваетъ фельдфебель и докладываетъ офицеру, что у него есть ящикъ съ караульными патронами.

— Давай скорѣй!

Въ одну минуту разбили прикладами ящикъ, патроны разобрали и дали залпъ по толпѣ мусульманъ. Все сборище ишана моментально обратилось въ бѣгство, кромѣ небольшой кучки фанатиковъ. Главное, что обезкуражило мусульманъ, это бездѣйствіе чудесныхъ вещей, розданныхъ ишаномъ. Мюриды увѣряли, что лишь стоитъ даннымъ имъ веретенкомъ только прикоснуться къ невѣрному, какъ тотъ упадетъ мертвымъ. А если невѣрные будутъ стрѣлять, то изъ ихъ ружей полетятъ не пули, а полетѣетъ вода.

— А что, если бы сарты по дорогѣ на насъ напали,—соображали потомъ молодые солдаты, ходившіе на стрѣльбу въ полночь,—а мы бы ихъ хватили холостыми патронами? Тогда бы они были вполне увѣрены, что ишанъ заговорилъ наши ружья. И досталось бы намъ! Всѣхъ могли легко перерѣзать.

Киргизы Наукатской волости тоже приняли участіе въ общемъ возстаніи. Омаръ-бекъ датха мулла Алимовъ, бывшій ихъ управитель во времена хановъ, собралъ своихъ киргизовъ на возвышенностяхъ Атамерека, чтобы оттуда внезапно напасть на городъ Ошъ. Мѣсто сборища царило надъ окрестной страной. Отсюда зоркіе глаза киргиза могли отлично наблюдать, что дѣлается въ Минь-Тюбе и въ Ошѣ. Конечно, и сыновья Курбанъ-Джанъ-датхи знали о возстаніи и, можетъ быть, получили какое-либо назначеніе. Но въ самую послѣднюю минуту осторожный ихъ родственникъ, Кара-бекъ, далъ знать уѣздному начальнику въ Ошѣ о готовящемся нападеніи мусульманъ.

Ошскій уѣздный начальникъ, 17 мая, съ небольшою свитою тотчасъ же поскакалъ на Атамерекъ, не зная размѣровъ задуманнаго возстанія. Киргизы не могли допустить, чтобы начальникъ такъ легко самъ отдавался въ ихъ руки и предположили, что за нимъ скачетъ сотня казаковъ. Этотъ слухъ быстро распространился среди возставшихъ киргизовъ, и они скоро разсѣялись. Уѣздный начальникъ въ тотъ же день далъ знать губернатору

телеграммою въ Маргеланъ о готовящемся возстаніи; но, какъ говорятъ, телеграмма была прочитана только на другой день утромъ, когда андижанская рѣзня уже совершилась.

Возстаніе было быстро подавлено. Дукчи-ишана казнили. Абдулъ-Джалиль безслѣдно скрылся, а мулла Зіяутдинъ убѣжалъ въ Кашгаръ.

Расплата была строгая. За 22 человѣка, зарѣзанныхъ мусульманами въ Андижанѣ, русскій военный судъ приговорилъ къ повѣшенію 22 туземца, принимавшихъ участіе въ миньтюбинскомъ походѣ. Предводители киргизовъ—Омаръ-бекъ датха мулла Алимовъ и Саттыбай Ракибѣвъ, бывшій пансатъ при ханѣ,—были захвачены въ Ошѣ и сосланы въ каторжныя работы, гдѣ Омаръ-бекъ вскорѣ и умеръ. Миньтюбинскому предводителю Муллѣ-Касыму удалось убѣжать, но и онъ чрезъ два года былъ задержанъ. По восточному обычаю кишлакъ Минь-Тюбе совершенно разрушили, срыли и вычеркнули изъ списка селеній. Богатые выселились въ другія мѣста, а бѣдную голытьбу, которая за неимѣніемъ собственности служила въ наемникахъ у богачей, поселили по сосѣдству, давъ каждому по одной десятинѣ орошаемой земли. Голытьба была рада дарованному надѣлу и назвала свой новый кишлакъ Мархаматъ, что значитъ милость. Мѣсто бывшаго кишлака Минь-Тюбе отдали русскимъ переселенцамъ, которые и образовали здѣсь такъ называемое «Русское Село» въ 200 дворовъ.

На этотъ разъ дѣтей датхи миновала гроза, а Кара-бека, предупредившаго опское начальство, наградили золотою медалью, почетнымъ халатомъ и пенсіей. Кара-бекъ недавно умеръ. Но киргизы и послѣ его смерти не могутъ простить ему измѣны ихъ «священной войнѣ». Когда были первые выборы въ волостные управители, и сынъ Кара-бека выставилъ свою кандидатуру, все алайское киргизское населеніе ее отвергло.

Дукчи-ишанъ признался передъ смертью, что онъ всегда ясно сознавалъ превосходство силы русскихъ и не вѣрилъ въ успѣхъ возстанія. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ ничего другого придумать, какъ объявленіе газавата. Правда, съ завоеваніемъ Туркестана русскими стало тише и спокойнѣе въ странѣ, сарты быстро богатѣютъ, не приходится теперь дрожать за свою жизнь, за жену, дѣтей или за имущество, какъ это было при ханахъ; но, съ другой стороны, русскіе, съ новыми порядками, вносятъ въ ихъ жизнь столько нечестиваго, столько развращающаго душу человѣка, что правовѣрные становятся неузнаваемыми. Пьянство, развратъ, обманъ, воровство и другіе пороки овладѣли мусульманами. Лучше теперь умереть въ священной войнѣ и войти въ Алъ-Джаннатъ (рай), чѣмъ измѣнить священному Корану и погибнуть вмѣстѣ съ невѣрными.

Послѣ возстанія новый генераль-губернаторъ С. М. Духовской совершилъ поѣздку въ Омскій уѣздъ и видѣлся съ Курбанъ-Джанъ-датхою. Поддерживаемая подъ руки сыномъ и внукомъ, престарѣлая киргизка явилась въ халатѣ изъ темно-голубой китайской канфы, съ бѣлымъ тюбаномъ на головѣ. На вопросъ генерала—не надо ли ей чего-нибудь, она отвѣтила:

— Нѣтъ, слава Богу, мнѣ ничего не надо. Я на старости лѣтъ молюсь за благоденствіе государя. Благодарю за милости, оказанныя моимъ дѣтямъ.

— А много ли у васъ всего потомства?

— Не знаю. Помню, что пять сыновей, да приемышъ, да вотъ внуки, а сколько у нихъ — не знаю... Много! — добавила она, махнувъ рукою.

На самомъ дѣлѣ ея потомковъ исчисляють въ 183 человекъ, изъ нихъ живыхъ до сего дня 98 (два сына, двѣ дочери, 31 внукъ, 57 правнуковъ и 6 праправнуковъ), а умершихъ—85.

Упомянутое Курбанъ-Джанъ-датхи о своихъ молитвахъ за русскаго государя не есть съ ея стороны простой актъ вѣжливости. Генераль-губернаторъ Ивановъ, чрезъ ея сына Махмудъ-бека, 9 мая 1901 года получилъ письмо, въ которомъ она извѣщаетъ, что на мазарѣ мусульманскаго святого Хазретъ-Асфи-Ибни-Эль-Баркія, при участіи всѣхъ пришедшихъ къ святому на поклоненіе, она молилась за государя.

Нынѣ царствующій государь императоръ также не оставлялъ ее своимъ высокимъ вниманіемъ. Одинъ разъ онъ пожаловалъ Курбанъ-Джанъ-датху дорогимъ перстнемъ съ драгоценнымъ камнемъ, въ другой же разъ подарилъ ей золотыя часы, осыпанные бриллиантами. Почтенная старушка пережила восемь генераль-губернаторовъ. Каждый изъ нихъ, который постарался повидать ее въ Омскомъ уѣздѣ, оставилъ ей какой-либо подарокъ на память.

Все сказанное здѣсь, конечно, не даетъ полной картины жизни Курбанъ-Джанъ-датхи. Это, такъ сказать, только точки соприкосновенія ея съ русской администраціей. Ея дѣти мало говорятъ о ея будничной обыкновенной жизни среди киргизовъ, какъ она кочевала, подымаясь лѣтомъ все выше и выше въ Алайскія горы, а зимой спускаясь въ долины, какъ она работала, какъ управляла киргизами. Извѣстно только, что датха никогда не увлекалась городской жизнью, и зиму и лѣто она проводила въ войлочной юртѣ, кочуя по склонамъ Алайскихъ горъ. До послѣднихъ дней своей жизни она всѣ свои далекія передвиженія дѣлала всегда верхомъ на лошади.

Зимой текущаго года, 1 февраля, Курбанъ-Джанъ-датха, окруженная многочисленными родственниками, тихо скончалась на девяносто шестомъ году жизни въ селеніи Мады.

Махмудъ-бекъ, старшій наслѣдникъ датхи, сейчасъ же далъ знать въ Гульчу своему другу капитану Аврову о смерти матери. Капитанъ не замедлилъ явиться къ юртѣ покойной «царицы Алая». Съ его словъ мнѣ извѣстна картина похоронъ датхи.

Покойницу положили не на полу, какъ это обыкновенно дѣлаютъ киргизы, а на столѣ и закрыли ее парчевымъ покрываломъ. Рядомъ съ нею лежали подарки государя и разныхъ начальствующихъ лицъ. Передъ входомъ въ юрту стояли въ два ряда многочисленные внуки и правнуки покойной датхи. Каждого прибывшаго встрѣчаетъ одинъ изъ сыновей, а всѣ родственники усопшей начинаютъ причитывать съ громкимъ плачемъ. Плачъ раздавался и въ самой юртѣ, наполненной женщинами ближайшихъ родовъ. Капитанъ засталъ собравшихся около тысячи чело-вѣкъ, но киргизы все еще подѣзжали изъ окрестныхъ ауловъ.

Покойницу изъ юрты вынесли въ садъ на площадку. Въ это время вывели верблюда съ подарками для имама, который тутъ же совершилъ краткое моленіе. Затѣмъ носилки съ покойницею поставили на арбу. Около нея помѣстился младшій ея сынъ, Хасанъ-бекъ, а старшій, Махмудъ-бекъ, слѣдовалъ за нею верхомъ на лошади въ сопровожденіи большой свиты родныхъ и знакомыхъ. Похоронная процессія медленно направилась къ городу Ошу, гдѣ на главномъ кладбищѣ Сары-Мазаръ приготовлена была могила для датхи, рядомъ съ мѣстомъ погребенія казненнаго ея сына, любимаго ею Камчи-бека. Мады отстоятъ отъ Оша на тринадцать верстъ. Съ каждымъ шагомъ процессія увеличивалась прибывавшими со всѣхъ сторонъ почетными туземцами. Всѣ верхомъ на лошадяхъ. Впереди арбы ѣхали внуки и громко причитали.

— Ты была зеркаломъ нашимъ! — выдѣляется голосъ одного изъ плачущихъ родственниковъ.

Тутъ же ѣхалъ мулла и нараспѣвъ читалъ стихи изъ Корана, относящіеся къ погребенію.

При входѣ на кладбище арба остановилась. Носилки съ покойной подхватили на руки. Впереди шелъ одинъ изъ сыновей и разбрасывалъ серебряныя монеты. Махмудъ-бекъ самъ влѣзъ въ приготовленное мѣсто погребенія и внимательно осмотрѣлъ его. Послѣ новаго краткаго моленія покойницу опустили въ могилу. Всѣ присутствовавшіе бросили по горсти земли, какъ это дѣлаемъ и мы въ Россіи. Но почетнымъ лицамъ разносили землю въ полѣ халата. Они брали ее въ руки и снова бросали въ халатъ. Затѣмъ всю эту землю сразу высыпали въ могилу.

По окончаніи обряда погребенія всѣ разѣхались. Но еще долго потомъ пріѣзжали киргизы изъ дальнихъ ауловъ въ Мады выразить свое соболѣзнованіе дѣтямъ усопшей.

Въ ноябрѣ 1907 г. назначены торжественныя поминки датхи, и опять соберутся въ Мады киргизы сосѣднихъ волостей. Вѣро-

ятно, среди нихъ найдется свой киргизскій бардъ-импровизаторъ, который, по обычаю страны, нарисуетъ въ своихъ пѣсняхъ рядъ картинъ изъ частной и общественной жизни Курбанъ-Джанъ-датхи.

Въ тотъ памятный вечеръ, когда я слушалъ рассказы Махмудъ-бека Алимбека Датхаева, какъ теперь его величаютъ, меня сильно потянуло въ горы Алая посмотрѣть на дикую природу, на страшныя ущелья съ стремительными потоками въ нихъ, мнѣ захотѣлось пожить въ юртѣ среди вольныхъ кочевниковъ, которые такъ гордятся своимъ образомъ жизни. Охота и скотоводство — вотъ главныя занятія киргиза въ мирное время.

Узнавъ о моемъ желаніи, Махмудъ-бекъ горячо сталъ упрашивать меня съѣздить съ нимъ на охоту въ горы.

— Но сейчасъ еще рано: много снѣгу. Лучше всего въ маѣ мѣсяцѣ.

До мая я не могъ ждать. Поблагодаривъ его за любезное предложеніе, я подарилъ ему на прощаніе компасъ-брелокъ. Махмудъ-бекъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ мой подарокъ, но онъ не былъ для него новинкою. Оказывается, онъ всегда носитъ съ собою маленькій компасикъ для ориентировки во время охоты въ запутанныхъ горныхъ узлахъ, особенно ночью. Иногда онъ имъ пользуется въ туманную погоду для опредѣленія стороны, въ которую правовѣрный мусульманинъ долженъ обращаться во время молитвы.

Утромъ на разсвѣтѣ я выѣхалъ изъ Оша въ Андижанъ. Проѣзжая мимо туземнаго кладбища, я увидѣлъ двухъ женщинъ, усердно молящихся около высокаго мазара, то-есть могильнаго памятника, сложеннаго изъ кирпичей. Далѣе встрѣтилъ вереницу паломниковъ, поднимающихся на вершину Соломоновой горы, чтобы совершить благочестивый «савабъ». Еще далѣе услышалъ пѣвучій голосъ азанчи съ помоста на вершинѣ дерева, призывающій правовѣрныхъ на молитву, на утренній намазъ баумдатъ. Чѣмъ не библейская страна?! Пожалуй, — какъ сказалъ почитаемый мусульманами нашъ Великій Пророкъ, — и въ Израилѣ не найдешь такой вѣры.

Ив. Ювачевъ.

